

«О, КАСПИЙ, ПОСЛЕДНИЙ ОПЛОТ ПЕРВОРОДСТВА...»

Светкали НУРЖАН

(род. в 1962 г.)

Буран

Буран в лицо охапки снега мечет
И по спирали поднимает ввысь;
Люгует, смыслу здравому перечит
И кубарем летит, свергаясь вниз!
Подобно заигравшемуся волку,
Выматывает жилы из земли.
Морские волны тоже сбились с толку,
И крутояр сугробы замели.
И вдруг!.. Как будто тысячи шаманов
Взыграли на кобызах под буран,
И звуки из завьюженных туманов
Сплелись в один волосяной аркан.
Как будто необъезженные кони
Встают во время скачки на дыбы,
Арканом заматавая след погони
И сумасшедшей собственной судьбы.
Как будто кто-то нынче выбивает
Верблюжьё шкуру в небе высоко.
Половником как будто разливают
Чуть взбитое верблюжье молоко.
Буранную симфонию недаром
Переложил я ночью на стихи,
Где семь волков боролись с волкодавом,
Катаясь по заснеженной степи.
Буран застиг меня, когда дорогу
Сугробами до неба занесло...
Но белый ангел вышел на дорогу
И взял меня под правое крыло.

Перевод Владимира Бояринова

В поисках оружия

(отрывок)

...Я не нашел свой арсенал
На пепелище предков.
Я ветер на подмогу звал,
Под шлемами холмов бывал,
Об арсенале толковал
С синицами на ветках.
Но всё напрасно! Зря искал,
Зря я бродил по свету,
Зря громогласно призывал
Виновников к ответу.
Среди степи родной стою
И сам себе не верю:

Неужто я о том пою,
Что не нашёл потерю?
Лишь эхо мне отозвалось:
«Эх, не случилось, не нашлось,
Не получилось, не сбылось...»
И колос тронул колос,
И был мне вещий голос,
Который подает домбра
Из горловины, из нутра,
Кобыз ей подпевает...
И пусть народ узнает:
Как мне не плакать, как не петь,
Когда тревожно мне и худо? –
Я потерял тугую плетть
Из шеи крупного верблюда,
Могучего и гордого
Верблюда одногорбого.

Перевод Глана Онаняна

Есенгали РАУШАНОВ

(1957–2021)

Пустыня

Саксаул я братом зову.
В радужной пустыне Алги
Он раскинул ветви свои –
Я такой же точно, как он.

Как февраль, он мощью налит.
Согнутая шея бела.
Здесь плывут не только пески –
Люди покидают дома.

Только мы с земли не ушли,
Не ушли с исконной земли.
Я едва ль попячусь на шаг
Тетерева в пору дождей.

Буйствуя, коня привязал
В самую лихую жару
На шажочек малый рябца
От судьбой завещанных мест.

Пекло донимает – так что ж?
В декабре завоют ветра,
Такова уж участь мужчин,
Такова уж доля – терпеть.

В небе нет ни облака вновь,
Жаждет влаги вольная степь.
Сколько ж нам смотреть в эту синь,
Бедный брат мой, брат-саксаул?

Облако сплошной белизны
Нынче восвояси ушло.
Облако сплошной синевы
Пожалело капли дождя.

В радужной пустыне Алги
Руки к небу тянет мой брат,
В радужной пустыне Алги
Брат мой старший к небу идёт.

Облако стянул он с небес,
Чёрными ветвями стащил,
Облако к себе притянул,
Новый день желая узреть.

Рыжая гончая

Октябрьские прохладные рассветы
Пустили в пляс
прибрежный темный тальник.
С тех самых пор, как рыжий старец умер,
Не стало жизни и для рыжей гончей.
И миской стала у неё коробка,
Нора в канаве заменила будку.
Какая милость? Кто за грех в ответе?
Снохе и процветающему сыну
До псины дела никакого нет.
Её прогнали со двора камнями:
— А ну, пошла!
Идти пришлось недолго.
Там, у холма, где рыжий спит хозяин,
Улёгся пес, усталый, исхудавший.
Бессильно взвыл.
Всю ночь он скрёб могилу,
Всю ночь он скрёб.
Остановилось сердце,
Свет не померк. Он таял постепенно,
Вылизывая сорванные когти.
Рассвет был алым.
Мнилось, камень плакал,
Смахнув потёмки,
и под красным солнцем
В бреду метался призрак рыжей гончей.
Я знаю, что собака существует,
И совесть по ночам ко мне скребётся,
И за ночь выскребает мою душу.

Во время сумеречной молитвы

Вечерней молитве не нужно теней,
Должны умереть они.
Подмытый берег в лучах зари,

Как будто крови хлебнул.
И то же я думаю о холмах —
В крови они. Мёртвый мир,
К воде, к земле преклонная слух,
Я слушаю голос твой.
Закутана в чёрное, как вдова,
Берёза, чья тень в земле.
— Безвиновен я! — плачется мне росток. —
Прости меня, сводный брат!
Сегодня я всех их похоронил,
Сочувствий не услышав.
Притихшим в ложине лежит аул,
А небо красным-красно.
В могилах и мать моя, и отец,
И старший, и младший брат,
И бабушка —
Всех забрала война.
Убила, не отдала.
Отёчная, вышла висеть луна,
Дорога зашла в кусты,
Не спать мне сегодня который день,
Которую ночь подряд.

Переводы Сергея Арутюнова

Темирхан МЕДЕТБЕК
(1945–2025)

Вдохновение поэта

Обуяла бессонная лира,
Как пожар, мечет искры поэт.
И душа над пороками мира
Совершает облёты чуть свет.

Полон дум о любимом народе,
И душа у поэта в крови.
То встаёт он, то пишет, то ходит,
От своей задыхаясь любви.

Ломят кости, и ноют суставы,
И глаза, словно угли, горят.
По бумаге, как будто составы,
Беспристрастные строчки летят.

Вдохновение — ливень из тучи,
Порождённое ветром, оно
Чью-то душу безвольную учит,
Да и сердце его заодно.

Воплощение сути народа,
Повидавшего всё на веку...
Не ложится поэт до восхода.
Сам себя заключает в строку.

Штормовое море

Урагану Солнце и Луну
Захотелось с неба сбросить в море,
Чтоб земля и та пошла ко дну
И узнала, что такое горе.

Всё живое задохнулось вдруг.
Море, гул зловещий издавая,
Миллионы тонн воды вокруг
Превращало в волны, завывая.

Как драконы в яростной борьбе,
То в клубок свернувшись, то вставая,
Думали все волны о себе,
Голову над морем поднимая.

А потом валились вниз стремглав,
Грохоча, вздымались в небо снова,
Бились врукопашную без глав
И тонули, не сказав ни слова.

Веяло смертельным холодком,
И топили волны вновь друг друга,
Пенились и гнали далеко
Павших без спасательного круга.

И на море опускалась тень,
И оно страдало и вздыхало.
И к нему стремился Судный день,
Чтоб оно ни дня не отдыхало.

В ураган не избежать волны,
Корабли бросает, как скорлупки,
Морю добавляя седины
И теряя безвозвратно шлюпки.

И стальным канатам не сдержать
Силу волн, и рвутся, словно нитки.
Корабли, чтоб в океан бежать,
Пляшут на воде, несут убытки.

И режут, как сытые быки,
С берега откатываясь в море.
Никакие в мире рыбаки
С ураганом этим не поспорят.

Прибивает к суше корабли,
Бьются корабли уже на суше.
Не хотят безоблачной земли,
Где нещадно ром заморский глушат.

Будто сходят корабли с ума.
И трубят, как сытые верблюды.
И они, выдавшие шторма,
Дрейфовать на привязи не будут.

Стрелы молний в небе не унять,
И они легко пронзают воду,
Где драконов радостная рать
Их, как спички, поглощает сходу.

Ураган взбухает и шипит,
В небе тучи расшвыряя, как вату.
Словно войлок разбросав, не спит
И свой гнев несет опять куда-то.

Не обходит ни один утес,
Бьет с размаху смачно в грудь утесы,
И они, не видевшие слёз,
В море льют невидимые слёзы.

Ураган привык озоровать,
Ни одной не встретится помехи,
И привык утёсы разбивать,
Колет их, как грецкие орехи...

Снова море пенится, ревёт,
Штормовое облачное море.
И кому-то свет оно несёт,
А кому-то доставляет горе.

Переводы Владимира Силкина

Наталья ЗАДЕРЕЦКАЯ

Мой город

Ты – просто камень.
Ты ракушка во слиянии,
Что рушится с годами от ветров.
Но почему душа приходит в трепетанье,
Перебирая чётки всех даров,
Которые судьба нам подарила
С любовью, страстью, светом и тоской.
Ты – вдохновенье, что людей благословило
На жизнь в тебе, где, словно вздох, прибой.
Мы – твои дети, шаловливы, неразумны.
Тебя бросаем и не верим в вечность стен.
Но ты, мой город, будешь непременно
Художникам энергией для тем.

* * *

От пристани уходят корабли.
Бывает, забывают попрощаться.
Но как их за собою ни мани,
Порой без ветра, но уйти стремятся.

Лишь собственные испытанья им нужны.
Они не внемлют опыту – лихие,
Но, бросив якорь, вспомнят невзначай
Учивших паруса латать в стихии.

